

ИСКУССТВО

и

ПРИРОДЫ

БИОЛОГИЧЕСКОЕ

19

Н. Д. О.

THE ARCHIVE OF
NICHOLAS
ROERICH
MUSEUM

ИСКУССТВО

и
Художественная
промышленность

ежемесячное
иллюстрированное издание

Императорская
Деятельность Правительства Художеств
въ С.-Петербурѣ

Редакторъ Н.П. Собко.

Печатня Р. Голике.

№ 6. Мартъ. 1899.

ИСКУССТВО Художественная Промышленность

1899. № 6.

Art et Industrie.

Содержание 4-го выпуска. — Sommaire de la 4me livraison.

МАРТЪ.

Художественная экскурсия по Большемельской тундре и на о. Вайгаче, художника А. А. Борисова 413

Заставка в красках из рукописи „Псалтири“ 1397 г. в Имп. Общества любит. древн. письм. в СПб.

О Бахчисарайском дворце и его реставрации, акад. Н. П. Кондакова 435

Заставка в красках из „Лицевого Апокалипсиса“ XVI в., из собрания О. И. Буслаева в Имп. Публ. Библ. и 18-ть автотипических снимков (П. О. Яблонского в С.-Петербурге) со внешних и внутренних видов дворца.

К 25-летию Тифлисского Художественного Общества, художника Д. А. Пахомова 453

Заставка в красках из той же рукописи, что и предыдущая.

Образ Смерти (к истории изображений смерти в предметах искусства), проф. Е. К. Редина 469

Восемь автотипических снимков (П. О. Яблонского в С.-Петербурге) со различных изображений смерти в искусстве.

МАРС.

Excursion artistique dans les plaines marécageuses du Nord et sur l'île Vaïgatz, par le peintre А. А. Борисов 413

Frontispice en couleurs tiré d'un Psautier manuscrit de 1397, Société Impér. des amateurs de l'ancienne écriture.

Palais de Bakhtchi-Saraï et sa restauration, par Н. П. Кондакoff, de l'Académie 435

Frontispice en couleurs tiré d'une Apocalypse figurée, manuscrit du XVI s. de la coll. Bouslaëff à la Bibl. Impér. Publ. de St-Pétersbourg et 18 reproductions en autotype (par M. Iablonski à St-Pétersbourg) de vues extérieures et intérieures du dit Palais.

A l'occasion des 25 ans de la Société Artistique de Tiflis, par le peintre Д. А. Пахомов 453

Frontispice en couleurs tiré du même manuscrit que le précédent.

Représentation de la Mort dans l'Art, par le prof. Е. К. Редин 469

Huit reproductions en autotype (par M. Iablonski à St-Pétersbourg) de différentes représentations de la Mort dans l'Art.

ХРОНИКА:

Заіраничныя извѣстія	476
Наши художественныя дѣла, III: С.-Петербургіе, 4-ю Февраля 1899 г. (Постановка «Снѣгурочки» на сценѣ; выставки), Р. Изгоя	479
Петербургскія извѣстія, Р. И.	492
Изъ Киева (тамошнее искусство и печать), Е. М. Кузьмина	497
Московскія художественныя новости (Выставки; Музеи и Общества), Н. В. Некрасова	500
По Россіи (мѣстная свѣдѣнія)	508
Разныя извѣстія	510

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ:

Письма художниковъ Д. Пахомова и Н. Цираготти	511
--	-----

ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНИЯ:

- 1) А. А. Борисовъ, «Священное мѣсто самоидовъ на сѣверномъ Балванскомъ носу (о. Вайгачѣ)». Фототипія К. А. Фишера въ Москвѣ.
- 2) А. А. Борисовъ, «Привалъ художника на берегу Карского моря». Фототипія К. А. Фишера въ Москвѣ.
- 3) Портретъ графа Потоцкаго, сѣ орн. Лампи, гравюра на деревѣ П. Н. Павлова (получ. 1-ю премію на ученическомъ конкурсе въ Рисов. школѣ Имп. Общества Познѣ. Художество въ Декабре 1898 г.).
- 4) Ваза большою оиня, сѣ Имп. Фарфоровою завода въ СПб.—Воспроизведеніе краскахъ, печ. у Р. Р. Голике.

CHRONIQUE D'ART:

L'Art à l'Etranger en 1898—99	476
Notre vie artistique, III: St-Pétersbourg, le 4 Février 1899, par R. Izgoï. (La mise en scène de «Snégourotschka»; les expositions de St-Pétersbourg).	479
Faits divers à St-Pétersbourg	492
Correspondence de Kieff, par E. M. Kouzmine	497
Nouvelles artistiques de Moscou (Expositions; Musées et Sociétés), par N. V. Nekrassoff.	500
A travers la Russie	508
Petites nouvelles de l'Etranger	510

BOITE AUX LETTRES:

Lettres des artistes D. Pakhomoff et N. Tzirigotti	511
--	-----

HORS TEXTE:

- 1) А. А. Борисовъ, «Lieu sacré des Samoïèdes sur la pointe nord de Balvansk (île Vaïgatz). Phototypie de Ch. A. Fischer à Moscou.
- 2) А. А. Борисовъ, «Poste de l'Artiste au bord de la mer de Karsk». Phototypie de Ch. A. Fischer à Moscou.
- 3) Portrait de la Gsse Potocka, peint par Lampi, gravé sur bois par P. N. Pavloff (1-r prix au concours de l'Ecole de dessin de la Société Impériale d'encouragement des arts, Décembre 1898).
- 4) Vase flambé de la Manufacture Impér. de Porcelaine. Reproduction en couleurs imprimée chez R. R. Golické à St-Pétersbourg.

наши художественныя дѣла.

IV.

ПОСТАНОВКА «СНѢГУРОЧКИ» НА СЦѢНѢ МАРИИНСКАГО ТЕАТРА.—ВІСТАВКИ: АКВАРЕЛЬНАЯ, МЕЖДУНАРОДНАЯ, ФРАНЦУЗСКАЯ, УЧЕНИЧЕСКАЯ ВЪ РИСОВ. ШКОЛѢ ИМП. ОБЩЕСТВА ПООШР. ХУДОЖЕСТВЪ И ВЪ УЧИЛИЩѢ ТЕХНИЧЕСКАГО РИСОВАНІЯ БАРОНА ШТИГЛИЦА, ХУДОЖЕСТВЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ.

Петербургъ, 4 февраля 1899 г.

ЕСЛИ промахнется композиторъ, если пѣвецъ дастъ невѣрное вѣрапеніе или сорвется съ ноты, если оркестръ возвѣметъ неподходящій темпъ,—сейчасъ же эти промахи будутъ отмѣчены; но если декораторъ нагородитъ путаницу,—объ этомъ обыкновенно не считаютъ нужнымъ много говорить, особенно, если внѣшняя техническая сторона написаній прекрасна; а между тѣмъ кругомъ, среди разговоровъ о новѣхъ пурпурѣ искусства, отводится значительное мѣсто именно искусству декоративному, именно отъ него ждутъ всякихъ особыхъ благъ.

Не обращаютъ достаточного вниманія на декоративную сторону въ театрахъ, вовсе не потому, чтобы считали эту сторону не стоящей разговоровъ, ибо всякому понятно, какъ мало останется отъ оперы, лишенной должаго зрителѣнаго воззрѣствія, какъ несущественно будетъ она отличаться отъ симфоническаго концерта, которыи (кстати замѣтимъ) и безъ того для нѣкоторыхъ слушателей имѣетъ явнѣя преимущества передъ оперой: симфонический концертъ даетъ болѣшій просторъ фантазии, тѣмъ болѣе, что, если въ представлениѣ и окажутся тѣ или инѣя неточности, то незаслуженнаго насилия надъ фантазіей, упихиванія ея въ тѣсное, чужое помѣщеніе, во всякомъ случаѣ не будетъ.

Не принципіально не обращаютъ вниманія на тщательность оперной постановки, а просто въ силу какого-то страннаго, легкаго отношенія къ дѣлу,—сойдемъ, молъ, и такъ, да еще и какъ сойдемъ-то, «съ апплодисментами». На новой постановкѣ поэтичной «Снѣгурочки» отразилось именно такое легкое отношеніе, и сказатъ о немъ необходимо, потому что большинство публики, незнакомое съ разными деталями, не допускаетъ и мысли о томъ, чтобы подъ такимъ прекраснѣмъ обликомъ ему преподносилася немалая чепуха, чтобы огромнѣя средства, отпускаемыя театральной дирекціей, тратились настолько непроизводительно, что разные подробности могутъ не только не усугублять сумму общаго впечатлѣнія, но разрушаютъ и уничтожаютъ многое изъ того, что даютъ другія стороны оперы.

Безъ сомнѣнія, найдутся люди, которые скажутъ, что излишне говорить объ естественномъ недостаткѣ, довольно всѣмъ извѣстномъ, что, среди многихъ талантовъ и великихъ преимуществъ, дирекція казенной сценѣ въ отношеніи постановки русскихъ оперъ—совершенно безсилна. Объ этомъ-де печальному явленію можно про себя сожалѣть и печалиться, но вѣносить сорѣ обѣ этой аномалии безбожно, испытанно бесполезно (при чемъ сейчасъ же посыпаются примѣрѣ недочетовъ постановки: «Рогнѣдѣ», «Князя Игоря», «Руслана», «Русалки» и др.).

Можетъ быть, оно и такъ, но вѣрить въ это все-таки не хочется, особенно вспоминая «Снѣгурочку» Московской частной оперы, гостившей у насъ въ минувшемъ году.

Въ прошломъ великому посту публика видѣла, чтѣ можно сдѣлать, отнесясь къ дѣлу сердечно, съ любовью и, главное, съ пониманіемъ. Декорации Московской частной оперы, не важнѣя по технике, но полнѣя проникновенія въ самую сущность славяно-языческаго времени, производили впечатлѣніе очень сильное; особенно хороши были: «Палата Царя Беренгѣя» (воспроизведенная въ № 1 нашего журнала), «Беренгѣева слобода» и «Ярилина долина», съ ея типичной для русскаго пейзажа горой, съ таинственными заводьми и камышами второго плана. Костюмы и ансамбль игры также вполнѣ гармонировали съ духомъ замысла и музыки. Типъ царя Беренгѣя, Мороза, Купавы, Бермяты, наконецъ полнѣй юмора обнинавшій Бобыль—все это было несомнѣнно художественно. А вѣдь и сцена была помѣщена, и хоръ былъ поменѣше, и всѣ средства поменѣше!

Неволѣло приходило на умъ: какое великолѣпіе получится, если всю эту прелесть перенести на казенную сцену, прибавивъ хора, оркестра, свѣтовыхъ и прочихъ техническихъ эффектовъ, въ отношеніи которыхъ справедливо величается Маріинскій театръ.

Конечно, послѣ такихъ соображеній, постановка «Снѣгурочки» на казенной сценѣ явилась чѣмъ-то особенно интереснѣмъ: если на частной сценѣ возможно такое сильное впечатлѣніе, то какъ удается терять оно при колосальныxъ средствахъ казенного театра, при щедrosti дирекцii, не жалѣющей средствъ на роскошнѣя постановки.

Слышалось, что, вмѣсто прежнихъ малоудачныхъ декораций, пишутся новыя, тщательно обдуманныя, роскошныя; при чемъ, знаю, многое находились въ прѣятномъ заблужденіи, что истинно национальные образы, созданные для «Снѣгурочки» В. М. Васнецовымъ, послужатъ канвою для работы декораторовъ Маріинскаго театра... Но не тутъ-то было.

Гр. декораторовъ обуяла самостоятельность,—развѣ имъ указъ, какъ думаютъ люди, постигшіе духъ русскаго стиля! Оказалось, что до декораций и костюмовъ къ «Снѣгурочки» они дошли собственнѣмъ умомъ: «вѣдь—такъ, а мы—этакъ».

Смѣщеніе славянъ съ Беренгѣями (туркскимъ племенемъ южно-русскихъ степей) не могло, само собою, смущать декораторовъ—весь текстъ «Снѣгурочки» дышитъ древнимъ славянствомъ; эта же языческая эпоха, при сохраненіи сказочно-фантастическихъ чертъ, чудесно вѣлилась въ музыке Н. А. Римскаго-Корсакова. Такимъ образомъ, соображенія о национальности Беренгѣевъ не являлись вопросомъ для декоратора, о чёмъ и заявилъ онъ, написавъ на занавѣси: «Снѣгурочка, весенняя сказка»,—славянскою вязью, но вязью, къ сожалѣнию, плохо выбранною, словно у насъ нѣтъ болѣе типичныхъ и вкусныхъ образцовъ славянскаго письма. Идея второй специальной для несѣ занавѣси (примѣненной въ «Снѣгурочки»)—сама по себѣ симпатична и не разъ практиковалась въ Европѣ. Специальная занавѣсь какъ бы приуготовляетъ зрителя къ предстоящему, является звеномъ, вводящимъ его въ отдельный міръ. И въ данномъ случаѣ специальная занавѣсь яви-

ласъ тоже пріуготовляющимъ мотивомъ, но пріуготовляющимъ не къ по-
гружению въ сѣдую сказочную старину, а къ великой декоративной пума-
ници послѣдующаго.

Въ центрѣ занавѣси на лазоревомъ полѣ, въ ореолѣ желтыхъ зигзаговъ
лучей, помѣщается какое-то существо, подобие «американского жимеля»,
одѣтое въ желтую юбочку съ баюромой. Благодушно настроенный давно
желанною постановкою любимой оперы, вѣ смѣхомъ курьезной идеи декора-
тора начать поэтичную сказку такимъ, мало подходящимъ, водевилемъ, но
вдругъ, къ ужасу, замѣчаете въ рукѣ существа снопъ колосьевъ. Неужели
это Ярило, свѣтлый богъ тепла?—Ярило, къ которому несется торже-
ственная, широкая пѣснь:

«Свѣтъ и сила богъ Ярило,
Красное солнце наше, нѣмъ тебя въ мѣрѣ краше»...

Неужели же этотъ величавый образъ олицетворяется жалкой куколкой
на занавѣси? Какъ это бѣдно и мизерно! Подъ несообразнымъ изображенiemъ
Ярилы помѣщается нехудожественный, скучный и притомъ явно декадент-
ствующій мотивъ тройного ряда подсолнуховъ. Края занавѣси, которые въ
родѣ фронтона и пиластрѣ остаются на все представление, заполнены славянскими
плетешками и орнаментами, запутанными до невѣроятія.

Декорація пролога хороша, тѣмъ болѣе, что московская архитектура
слободы Беренгѣевой, благодаря лунному освѣщенію, не бросается въ
глаза; но костюмы портятъ все дѣло. Появляется въ бальномъ платьѣ
Весна, и самая фата съ изображенiemъ ласточекъ указываетъ на необычай-
ность чисто-современного костюма. Съ Морозомъ дѣло выходитъ еще хуже,
потому что наружность халдейскаго мага—русскому Морозу вовсе не соот-
вѣтствуетъ. Мало ли какъ представляютъ себѣ Морозъ народъ и какъ
всѣ люди его представляютъ привѣкли,—гдѣ ужъ тутъ посторонними источ-
никами пользуются, когда самъ текстъ Островского остается въ сто-
ронѣ и вся толпа Беренгѣевъ должна безсовѣстно лгать, воскликнав:

«Бояршина! Живая ли? Живая
Вѣ тулуничѣ, вѣ сапожкахъ, вѣ рукавичкахъ»,

тогда какъ передъ ними бѣла особа въ настолько модернизированномъ одѣ-
яніи, что, не шучу, во время антракта встрѣтилъ въ фойе барышню
почти въ такомъ же нарядѣ и вовсе не обращавшую на себя вниманія ря-
женіемъ. Къ чему такое глумленіе надъ текстомъ?—точно безъ него не-
льзя обойтись.

Толпа Беренгѣевъ, разодѣтыхъ совсѣмъ не въ слободскіе костюмы,
очевидно забыла о времени года — короткіе рукава женскихъ нарядовъ мало
идутъ къ сѣдному пейзажу!

Бобиль Бакула, у которого «ни кола, ни двора, ни скота, ни живота»,
появляется въ чудесномъ, чумѣ-чумѣ что не атласномъ, кафтанѣ, съ рас-
чесанной головой, совсѣмъ не свидѣтельствующей, что онъ «шатался всю
недѣлю».

Декорація слободы Беренгѣйской (и гѣйствѣ), на многихъ производящая

впечатлѣніе своею фантастичностью, имѣемъ видъ скорѣе японскаго, нежели древнеславянскаго, поселка. Впечатлѣніе какой-то японской постройки усиливается головою японскаго дракона, помѣщенной на западномъ фронтонѣ хоромъ Мураша. Изба Бобыля врядъ ли даетъ понятіе о бѣдности его сиротской. Но рядомъ съ этими промахами попадаются и часты, очень подходящія сказочному стилю, напр., костюмъ Мизгрия: нашивки на полахъ кафмана, хотя болѣе соотвѣтствуютъ тулупу, нежели лѣтней одѣжѣ, но все же даютъ вѣрную ноту.

Общее впечатлѣніе этого дѣйствія еще сносное, сравнительно съ мѣшаниной слѣдующаго—Беренгѣевой палатѣ, которая, къ сожалѣнію, благодаря яркости и воздушности исполненія, выгодно вліяетъ на публику.

Просторъ, вѣшина, камень и проче чуждые славянскаго архитектурнаго стиля элементы—все налицо. На дальнемъ планѣ свѣтятся на солнѣцѣ каменнѣя фантастической сооруженія, переносящія зрителя—куда угодно и скорѣе всего во дворецъ Черномора, нежели въ палатѣ Беренгѣя. Пусть себѣ Островскій пишетъ: «открытыя сѣни во дворѣ Беренгѣя; въ глубинѣ, за теченіемъ балюсами переходовъ, видны вершины деревьевъ сада, деревянныя рѣзные башни и вѣшишки»; пусть онѣ себѣ пишетъ это, а декораторы знаютъ дѣло куда лучше и изображаютъ, вмѣсто сада, каналъ съ каменной облицовкой и каменнѣя сооруженія, ибо фактура изображеній построекъ вовсе не деревянная.

Любопытно знать, откуда почерпнули авторы декорацій всѣ эти архитектурныя подробности, откуда вдохновились они, напр., чудовищнѣмъ по размѣрамъ, кардами подобнѣмъ идоломъ, вѣсящимся на второмъ планѣ, по лѣвой (зрителя) руку? При чемъ въ славянской палатѣ идолъ? Ни русскіе, ни арабскіе, ни западныe о южныхъ и прибалтийскихъ славянахъ источники, ни позднѣйшая финская древность, не даютъ понятія о такихъ идолахъ,—происхожденіе его болѣе мексиканское, чѣмъ славянское. Норвежскія детали зѣрина стиля, ажурные, воздушные мостики, каменная набережная канала спутываютъ зрителя, сбиваютъ съ толку; главное же худо, что исполнено все это технически подкупающе-хорошо.

Само собою, весь сюжетъ сказочный, и декораторъ не обязанъ держаться строго научныхъ требованій,—чувство и чуткѣ въ такихъ случаяхъ играютъ болѣшую роль, но все же устраиваютъ подобную, ни съ чѣмъ не сообразную, архитектурную кашу—тоже никакъ не приходится.

Третій актъ, поляна въ заповѣдномъ лѣсу, среди всѣхъ декорацій Сѣргурочки оставляетъ наиболѣе пріятное воспоминаніе. Очень удачно передано впечатлѣніе спускающеяся поверхности второго плана, поросшаго мелкимъ ельникомъ. Подобная нота частаго ельника какъ нелѣзя болѣе гармонируетъ съ русскимъ сказочнѣмъ стилемъ, и потому, въ этомъ дѣйствіи, въ самомъ дѣлѣ можно перенестись на высокий бугоръ съ утоптаннѣмъ хребтомъ,—вмѣсто древне-славянскихъ празднествъ. Если бы въ лѣсу прибавить болѣшихъ сѣрѣихъ валуновъ, столъ свойственнѣй нашимъ лѣсамъ, а кѣ вечеру, когда сгустится празеленъ вечерняго неба (очень правдиво переданная на декораціи), гамъ эффеクトъ костровъ, зажженнѣй по кустамъ, то картина несомнѣнно вѣнчала бы еще болѣе. При лѣтевшихъ прогулкахъ надъ Мизги-

ремъ лѣсъ прекрасно сгущается, человѣкообразныя (немного переутрированыя) деревья тянутся со всѣхъ сторонъ, образъ Снѣгурочки эффектно мелькаетъ въ разнѣихъ углахъ сценѣ. Много было бы лучше, если бъ быстро сверкающія звѣздочки замѣнили таинственнѣми, мутно желтыми языками блуждающихъ огней (они, вѣдь, могли бы быть довольно значительной высотой), а также зелеными свѣтляками и фосфорическимъ свѣченiemъ гнилыхъ пней,—въ лѣсу прибавилось бы свѣrosti, затхlosti, необходимой для такого глухого мѣста. Въ сгустившемся мракѣ чащи вѣступаютъ сѣрѣе древоподобные люди съ сучьями въ рукахъ и непролазныемъ кругомъ обнимаютъ обезумѣвшаго Мизгира. Это фантастично и хорошо придумано: видно, если захотятъ,—могутъ сдѣлать и ладное.

Но пріятное впечатлѣніе декорацій лѣса не остается неприосновенными,—его нужно чѣмъ-нибудь испортить, и вотъ его портятъ танцами.

Царь Беренгѣй даетъ ясную программу танцамъ словами:

«Пляшите, кувиркайтесь, ломайтесь дураки!»

Сперва начинается танецъ скомороховъ, среди нихъ—медвѣдь и лиса, при чемъ никакъ нельзя понять, что медвѣдь и лиса ряженые или прирученные. Куда типичнѣе вышли бы скоморохи танцы, если бы медвѣдь былъ на пѣни, или даже нѣсколько медвѣдей начали вѣдѣливатъ свои ученья штуки. Но это пустяки, а вотъ послѣдующій танецъ, названный танцемъ хмеля,—эпизодъ для русской сказки вовсе не подходящий: это не танецъ хмеля, а классическая, вакхическая пляска подъ русскую музыку, т. е., значитъ, вышло что-то ужъ очень несуразное, т. к. манера пляски Петипа, думается, къ русской сказкѣ не пристала.

Въ послѣднемъ дѣйствии бросаются въ глаза два пробѣла: первый—голова скалы среди озера даетъ характеръ пейзажу, совсѣмъ не славянскій; второй пробѣлъ—восходъ солнца, т. к. можно ли додуматься до того, чтобы вѣташитъ изъ-за скалъ какого-то серебрянаго паука, аляповатаго, нехудожественнаго? Сцена располагаетъ такими чудными эффектами восхода, что прибѣгнуть къ нехудожественному и, вѣроятно, дорого стоящему вылезкамъ—нѣтъ нужды: помню, въ «Пророкѣ» утренняя заря безподобна, и лучъ настолько силенъ, что явился бы гораздо лучшимъ олицетворенiemъ Ярилы, чѣмъ вытолзшій изъ-за скалъ паукъ.

Не будь въ постановкѣ Снѣгурочки указанного смѣлаго творчества, не будь самооболѣщенія превзойти общепризнанного знатока этого стиля,—можетъ-быть, и не пришло бы указывать поактно... Хотя нѣтъ, съ какого конца ни взяйтъ, а постановка такихъ значительныхъ для русскаго человѣка оперъ, въ которыхъ есть возможность щеголѣнья широко понятіемъ русскимъ стилемъ, въ которыхъ воскресаетъ высоко-поэтичный міръ старинѣ,—постановка такихъ оперъ дѣло важное, имѣюющее огромное образовательное значеніе, и требуетъ большого обсужденія.

Рядомъ съ печальными, періодическимъ и получившимъ права граждансства явленiemъ неудавшейся постановки оперы, стоитъ на очереди и другое,

тоже не менѣе печальное, тоже периодическое и тоже уже вѣдьми замѣченное явленіе—послѣдняя акварельная выставка въ залахъ Академии Художествъ.

Чтѣ не идетъ впередъ, тѣмъ самѣмъ быстро шагаетъ назадъ, и разителѣніемъ примѣромъ этому можетъ служить акварельная выставка, которая на 20-мъ году своего существованія пришла въ такое печальное состояніе, чѣмъ, наконецъ, приходится называть вѣцѣ ея настоящимъ именемъ.

Казалось бы, не все ли равно, чѣмъ именно выражать свою мысль: маслянѣими красками, акварелью, углемъ, пастелью или карандашомъ,—вѣдь, всякимъ перомъ можно писать: можетъ-быть красота почерка будетъ неоднакова, но читать все же будетъ возможно; дѣло же акварели поставлено Обществомъ русскихъ акварелистовъ такимъ способомъ, что зрители начинаютъ уже недоумѣвать: точно ли акварель серебряное искусство? А иные начинаютъ предлагать выдѣлить нѣкоторыхъ акварелистовъ изъ числа художниковъ: «есмъ, молъ, инженеръ-технологъ и просто технологъ, есмъ инженеръ-механикъ и просто механикъ,—такъ и тутъ, можетъ-быть, надо различать художника-акварелиста и просто акварелиста». Послѣдняя акварельная выставка, въ самомъ дѣлѣ, настолько скучна и плоха, что серебро о ней и говорить нельзѧ,—отнеслись къ ней такъ же серебро, какъ и къ другимъ художественнымъ выставкамъ, значило бы умалять значеніе этихъ послѣднихъ, а потому считаютъ съ нею приходится только вообще какъ съ явленіемъ публичнѣмъ.

Чтѣ на ней есмъ хорошаго? Лучше другихъ акварели А. Н. Бенуа, хороши онѣ настолько, что выдѣляются очень замѣтнѣмъ оазисомъ, и ловкий прѣмъ, прѣятнѣе тона и свѣжестъ видѣнія на каждой; можно сказать, г. Бенуа единственный оплотъ Общества. Так же надо выдѣлить г. Крѣжицкаго,—на его аквареляхъ видѣнія и рисунокъ, и любовь къ дѣлу. Есмъ стремленіе къ натурѣ въ виноградѣ г-жи Шнейдеръ. Все еще интересенъ пока, хотя уже близокъ къ повторенію въ мотивахъ,—А. А. Бенуа. Тщательно отыскавая хоть съ технической стороны не совсѣмъ рутинное, отмѣчу также: Навозова, Чумакова, Химону, Фельдмана, но все это составитъ не болѣе 2—3 десятковъ вещей, всего же на выставкѣ болѣе 350 произведеній! Да и эти немногіе десятки относительно-лучшихъ вещей могутъ быть отмѣчены только съ вѣнчнѣй, технической стороны,—о мысли же, о какомъ-нибудь содержаніи нѣтъ и помина. Какъ по фронту застѣнившихъ на часахъ солдатъ проходитъ вѣдь вдоль шеренги акварелей—та же выложенная амуниція, тѣ же выученные глаза, то же желаніе услужить. Пройдите между ними разъ, два—сколько угодно разъ, и все-таки ничего не запомните, а вѣйдя на воздухъ, даже попытаетесь забыть поскорѣе, что вообще были на этой выставкѣ.

По каталогу, однако, значатся, среди работъ г. Каразина, такие заманчивые предметы, какъ эскизы для фресокъ залъ Одесской Биржи: судя по заглавіямъ, фантазіи художника было гдѣ разгуляться, еще бы!—«Свайнѣйшій періодъ, каменныѣ вѣкѣ,—бронза, кочевье и осѣдлые славяне», «Античнѣйшій мѣрѣ», «Ганзейскій торгъ, союзъ и Новгородская республика», «Колоніи Старого и Нового Свѣта», «Народы крайняго Сѣвера и прилегающихъ умѣренныхъ странъ», «Константинополь и Индія». Какъ все это громко и благо-

звукно, а между тѣмъ передъ этими эскизами происходяще qui pro quo такого рода:

— Экой прогрессъ, подумаешь! Смотрите-ка, куда наши чаеторговцы шагнули!

— При чемъ тутъ чаеторговцы?

— Какие этикетки-то для жестянокъ закатили! Для кого это—для Перлова или Попова работано? Какъ вѣ каталогъ?

Поглядяще вѣ каталогъ и смущаясь, по сторонамъ озираются,—не слыхалъ ли кто? Хотя смущающе тутъ вовсе нечего—эскизы г. Каразина нисколько не лучше и не серезнѣе этикетокъ, изображеній имъ для чайнѣхъ жестянокъ, и даже, можетъ-быть, скучнѣе по композиціи.

Печально сопоставимъ, напр., Францію, гдѣ городскія зданія украшаются произведеніями лучшихъ художниковъ, произведеніями, сразу входящими вѣ число достопримѣчательностей города,—и Россію, гдѣ такие важные города, какъ Одесса, декорируютъ Биржу незначительными, прыничными фресками. Чѣмъ Одесса хуже, напр., того же Ліона, получившаго вдохновенія фрески Пювира? Я боюсь, какъ бы кто не заподозрилъ принципіальности ругани, не любви къ Обществу акварелистовъ или къ акварельной живописи вообще: цѣльный рядъ мастеровъ, съ Формуни во главѣ, доказали, какихъ чуднѣхъ результатовъ достигаютъ акварель. Насколько бы пріятнѣе была возможность сказать такое же лестное и про нашихъ акварелистовъ; но не только серезнѣхъ задачъ, даже (что обиднѣе всего) стремленія къ нимъ что-то не замѣтно вѣ ихъ Обществъ.

Совсѣмъ особый характеръ носила Международная выставка, устроенная редакціей журнала «Миръ Искусства» вѣ залахъ Музея Училища техническаго рисованія барона Штиглица.

За Международную выставкою, казалось бы, должны были быть всѣ преимущества,—еще бы: среди экспонентовъ много громкихъ именъ, устроена выставка редакціей журнала, считающаго себя носителемъ новаго художественного направленія, обставлена она уютно; почему же и она не могла оставить какого-либо впечатлѣнія, несмотря даже на одуряющій запахъ гаинтовъ, вѣ изобиліи разставленныхъ по залѣ?

Вѣ самѣхъ разнообразнѣхъ изданіяхъ находятся разборы выставки; оказывается, многіе возмутились ею, серезно осерчали, хотя сердитъся вѣ сущности не на что—на всей выставкѣ лежитъ такой несомнѣнныій отпечатокъ легковѣсности и необдуманности, что она можетъ скорѣе вѣзвѣвать сожалѣнія и улѣбку, нежели серезнѣе протесты.

Достигнутъ своей цѣли Международная выставка не могла по чѣмъ-ремъ существеннѣмъ причинамъ. Во-первыхъ, название ея вовсе не соотвѣтствуетъ содержанию. Полагаю, для каждого понятно, вѣ чемъ заключается отличие действительной Международной выставки отъ всякой другой съ участіемъ лишь нѣсколькихъ иностраннѣхъ художниковъ. Организація такой выставки—дѣло трудное, не поддающееся щучьему велѣнью, а требующее разносторонняго обсужденія, при участіи представителей разныхъ національ-

ностей. Нѣмѣ хуже громкаго названія при бѣдности и случайности внутренняго содержанія!

Во-вторыхъ, у каждого мастера, какъ бы велики и талантливъ онъ ни былъ, непремѣнно бывають вещи слабыя и неудачныя, вовсе его не характеризующія. Если выставимъ не очень силную вещь художника извѣстнаго мѣстному обществу (какъ, напр., было съ И. Рѣпиномъ на настоящей выставкѣ), то это промахъ еще не великій—сравнительно съ недоразумѣніемъ, происходящимъ при экспонированіи второстепеннѣхъ произведеній большого мастера, въ данномъ мѣстѣ мало извѣстнаго. Плохую услугу сдѣлаетъ ему такая внимательность!—въ ней будетъ скорѣе пролгядыватъ собственная реклама, нежели истинное доброжелательство искусству, и, кѣ сожалѣнію, съ этой-то стороны Международную выставку нелѣзя особенно не укорить.

Не великую услугу оказала она, напр., Бѣклину, кѣ которому слѣдовало бы, конечно, отнесись внимательнѣе, такъ какъ, кѣ тому же, его картины въ Россїи еще не экспонировались. Чѣмъ хорошаго въ выставленномъ «Центаврѣ»! — какое мнѣніе можно составить обѣ авторѣ этой картины? Или еще портретъ дѣвочки, работы Ленбаха, — развѣ даютъ онъ представленіе обѣ этомъ мастерѣ? Главнѣйший изъ эскизовъ Пюви-де-Шаванна «Зима» уже хорошо знакомъ Петербургу по прошлой французской выставкѣ, другое же два—вовсе не изъ лучшихъ. Изъ работъ Либермана трудно было выискать худшія! Не отвѣчаютъ имени Данѣяна-Бувере и Уистлера мизернѣе этюдики. Серѣзныя недоумѣнія вѣзвѣваютъ и цѣнѣнія подѣничтожнѣми картинками Дегаза: его «Жокеи» стоятъ 40.000 руб., — такъ что зрители имѣютъ право недоумѣвать: опечатка ли это, сумасшествіе или безграничное нахальство? Впрочемъ, говорятъ, художникъ не виноватъ въ этихъ цѣнахъ—онъ дѣло рукъ его импресарю.

Третья причина, расхолаживающая впечатлѣніе отъ выставки,—это отсутствіе на ней «картинъ», особенно сильно сказывающееся среди работъ русскихъ художниковъ: еще можно допустить, что иностранцы не совсѣмъ ясно представляли себѣ, для чего и куда даютъ они свои произведенія, русскихъ же—нелѣзя оправдыватъ подобнымъ невѣдѣніемъ. Очевидно, саміи участники выставки смотрѣли на нее не серѣзно, не рѣшалисъ дѣлъ на нее вещи продуманныя, цѣльныя, а ограничились этюдами, эскизами, милыми пятнышками, подчасъ недурнѣмъ материаломъ для будущихъ картинъ.

Хуже обыкновенного вещи Эдельфельдта. Несервезнѣ А. Васнецовъ. Левитанъ не выставилъ ничего значительнаго, также, какъ и Нестеровъ. В. Полѣновъ выставляетъ, вмѣсто мастерскихъ картинъ, малозначащія мозаики изъ рѣчныхъ камешковъ. Малавинъ даютъ хороший портретъ маленькаго, но подчеркиваютъ несервезнное отношеніе кѣ дѣлу гигантскимъ этюдомъ «Женщины въ красномъ», который, при всей смѣлости письма, еще разъ заставляетъ задуматься: талантливъ ли этотъ многообѣщающій художникъ, или у него просто большая художественныя способности, при отсутствіи главнаго элемента таланта—творчества. Рушицъ можетъ создать крупную и силную картину, въ его талантѣ сомнѣваться нелѣзя, а онъ неожиданно ограничивается одними пятнышками, оче-

видно приберегая все, чтò покапиталъе, для чего-нибудь болѣе солиднаго. Подражанья Сомова не могутъ имѣть серебренаго художественаго значенія — всякое увлеченіе простителѣно, пока оно не вошло въ привычку.

Если редакція «Мира Искусства» считаетъ себя поборницей новаго направлѣнія, то какъ обѣяснимъ присутствіе на выставкѣ произведеній рутинно-декадентскихъ, въ своемъ родѣ старыхъ и шаблонныхъ? Развѣ мѣсто на серебреной художественной выставкѣ афишечному портрету Ф. Боткина? Неужели хорошъ ломака «Варѳоломей-отрокъ» Головина? Галленъ — талантливый художникъ, никто не станетъ оспаривать достоинства его «Сампо» и «Айно», но его послѣдующія работы въ духѣ пресловутаго «Conceptio artis» или имѣющіяся на выставкѣ: «Омѣцебуйца» и «Музыка воды» уже вышли изъ предѣловъ художественности и могутъ бывть разсмотриваемы лишь съ отрицательной стороны. Остается пожалѣть этого способнаго, но какъ-то свихнувшагося художника. Не рѣшаюсь, къ какому виду производства отнести изѣблѣя г-жи Якунчиковой. Публика не можетъ усомниться въ направлѣніи выставки, глядя на рѣжущіе всякий здоровый глазъ портреты Бенара, у котораго тутъ же рядомъ милая вещица, вовсе не похожая на манеру его портретовъ,—это «Семья».

Подобная неразборчивость устроителей выставки мало хорошаго принесетъ искусству; безвременно одряжалъвше, отжившее декадентство и новое, свѣжее направлѣніе—вовсе не одно и то же. Правда, среди большинства публики довольно прочно засѣло убѣженіе, что все неподходящее подъ изѣстнѣй параграфъ—непремѣнно декадентское. Но винить публику за такое убѣженіе не приходится,—общее художественное образованіе не стоятъ на столѣ высокомъ уровнѣ, чтобы имѣть право требовать тонкихъ художественныхъ сужденій отъ людей, отчужденныхъ судьбою отъ искусства на болѣе или менѣе далекое разстояніе: публика въ смѣщеніи новаго направлѣнія съ декадентствомъ не виновата, виноваты устроители подобныхъ выставокъ, въ одну яму, безъ разбору, сваливающіе и хорошее, и плохое. Жестокая услуга искусству!

Отъ многочисленнаго фальшиваго элемента несомнѣнно теряютъ интересы вещи выставки. Сравнителѣно мало обращаютъ вниманія на картину Малютина—«Нашествіе татаръ»: орда, безконечной лентой протянувшаяся по унылой степи, хорошо задумана, въ лицахъ и подробностяхъ много характернаго, одно только неподходяще—размѣры. Картина съ такимъ серебрянымъ сюжетомъ должна бывть грандиознѣе, такъ что въ выставленной вещи хочется видѣть удачный эскизъ, а не окончателѣную форму: жалко мелкимъ такие благодарнѣе и поэтичнѣе сюжеты... Въ миниатюрнѣхъ этюдахъ Цюнглинскаго много правды и свѣта. Недурны: Менаръ (пейзажъ съ дождемъ), Лагардъ (общій тонъ прѣятенъ), Симонъ («Деревенскій балъ»), портретъ Сѣрова (Мамонтовой), «У окна» Коровина, скульптура князя Трубецкого. Слишкомъ мало бывла знакома публика съ талантливою Е. Полѣновою (недавно умершую). На выставкѣ можно было ознакомиться съ многими ея эскизами и сочиненіями орнаментальными. Лучшая изъ ея работъ, конечно, эскизъ картины «Масляница». Архитектурная часть его, сверху чутЬ озаренная мягкимъ солнечнѣмъ лучемъ,—очень зани-

материнна и вѣрно передаетъ духъ эпохи; толпа, кишащая внизу, полна жизни, тонъ эскиза правдивый. Эскизъ «Св. кн. Феодоръ, Константинъ и Давидъ» смутенъ по содержанию, но интересенъ по письму. 20-тъ иллюстрацій къ русскимъ сказкамъ полны юмора и прекрасно сочинены. Талантливая натура художницы подъ конецъ дѣятельности подалась въ не желательную сторону, результатомъ чего явились непонятныя: «Свѣчи», «Вѣтеръ воемъ», «Жарѣ-птица» и др.

Изъ иностранцевъ же надо отмѣтить еще пейзажи Таулоу. Вода у него передана удивительно: она живетъ, струится, отраженія и рефлексы играютъ, блещутъ, но тѣмъ печальнѣе сознаніе, что такие даровитые люди могутъ до того себя сбузить, чтобы строить все свое нравственное благосостояніе на удачной струйкѣ воды или на ловко посаженной звѣздочкѣ, и только и дѣлать, что все повторяютъ самихъ себя, съ самыми малыми перемѣнами.

Портреты Болѣдини, написанные хотя хорошо, особенною экспрессіей или ловкостью прѣма все же не поражаютъ.

Въ художественно-промышленномъ отг҃блѣ выставки интересны вѣшивки Е. Полѣновой и витрина съ вазами производства г. Тиффани (Нью-Йоркѣ); хороша и витрина съ ювелирными издѣліями г. Ляликѣ, но его произведенія находились также и на французской выставкѣ.

Нынѣшняя французская выставка — менѣе интересна, нежели прошедшая (бывшая два года тому назадъ). Благое дѣло устройства иностраныхъ выставокъ настолько ново, что нельзя особенно укорять за нѣкоторую случайность подбора картинъ: иностранная выставка, до сихъ поръ побывавшая въ Петербургѣ (Скандинавская, Голландская, Английская, Италіанская), конечно, не могли еще явиться систематическою школою современного развитія искусствъ той или иной національности; не трудно было со стороны указать на важнѣе для характера мѣстной живописи промахи, но хорошо уже и то, что по крайней мѣрѣ видно стремленіе обставлять выставку возможно полно, — это стремленіе видно и на настоящей французской выставкѣ.

Безконечно подвижна жизнь французовъ, таково же и ихъ искусство; настоящая выставка носитъ замѣтный отпечатокъ этой подвижности. Работы французовъ — всевозможныхъ достоинствъ; все куда-то бѣжитъ, стремится, опережаетъ другъ друга, пугается и вновь вѣбивается на торную дорогу.

Кромѣ картина на выставкѣ — значительный отг҃блѣ художественно-промышленный, хорошо подчеркивавшій значеніе декоративного искусства въ современной жизни.

Въ прошломъ № нашего журнала была уже корреспонденція о направленіи французского искусства, въ будущихъ предполагается ихъ еще нѣсколько, а потому особенно распространяться о настоящей выставкѣ нѣмѣнужды. Мало художественного интереса возбуждаютъ такія болѣшія картины, какъ: «Посѣщеніе Государемъ Императоромъ французской Академіи» Brouillet, — исполнена она очень добросовѣсно, но *raison d'etre* ея чисто фотографический; скучна огромная картина «Прибытіе торреадоровъ въ Севилью» Richon-

Brunet. «Процессия» Duvent'a, помнится, рекомендованная корреспонденциями о салоне прошлого года, — вследствие славы, не может производить сильного впечатления. Для имени Roll'a выставлены работы — недостаточно значительные, хотя и мастерские. Между прочим интересны «Старухи» Le Sidaner'a и две головки Maxence'a. Хорошо написаны Benjamin-Constance'ом портреты Ганота. Больше других выдаются произведения: Cottet — триптих «В стране моря» («Прощальный обед», «Отбывающиеся» и «Осматривающиеся»), Sabatté — «Будняк» (в церкви), военные сцены Detaille, пейзажи Harpignies и его ученика Gosselin'a и некоторые другие. Вообще есть на выставке новое, но хорошее, есть и новое, но чванливое, напыщенное, каковы, напр., произведения: d'Espagnat'a, Guillaumin'a, Pissaro и некоторых других; неуравновешенное, вымощенное тона, шаблонная манерность, если и явились в свое время оригинальною новинкою, то теперь, надо думать, искусство пошло дальше и такая болезненность направления его уже не могут находить поклонников. По этим же самым причинам мало впечатления производят и картины прошумевшего Claude Monet, забывшаго, что истинное художественное впечатление является результатом работы чувства, а не холодного разума, между тем что чувства-то в его произведениях и не замечено.

Десятка полтора картин можно бы выкинуть съ выставки для ее прямого благополучия, напр.: бездарную картину «Нимфу охотницу» Wencker'a, портрет Abbott'a, «Танцовщицу» Carrier-Belleuse'a.

Французы больше мастера в миниатюрной скульптуре, мало кто съ таким изяществом смыщает разнородные материалы, дасть легкое, грациозное движение, а потому отдал скульптуры на французской выставке, несмотря на немногочисленность и на многое уже известное (по снимкам или репродукциям), производят приятное впечатление. Обращали на себя внимание и некоторые крупные вещи, напр.: «Датская собака» Gardet. Печальное исключение составляла «Ева» Rodin'a.

Очень вкусными и изящными предметами переполнены промышленный отдал выставка. Прекрасны gobelены французских казенных фабрик, расписанные стекла и разные глиняные изделия. Чудесны отливки Decauville и других. Хороши витрины орфевра Boucheron'a и ювелира издала Lalique'a (некоторые из них слишком, однако, массивны). Превосходен по простоте сочинения шкаф старого дуба г. Lambert'a. Новые формы вообще хрупки, подвижны и всецело зависят от чутких автора; поэтому, малейшая притупленность вкуса приводит его к шаблону, как, напр., панно Chevrell'a.

Оказались хорошо обставлеными отчеты галерей выставки ученических работ в Школе Императорского общества Художеств и в Училище барона Штиглица. Можно было замечать недостатки в технике рисунков, чрезмерную тщательность фонов (отвлекающих внимание ученика от суммы дела), резкость контуров, дешевые тона живописно-натурального класса, но в общем, вспоминая, с каким разношерстным контингентом учащихся приходится воевать преподавателям, надо отдать справедливость — им удалось дисциплинировать стремления учеников.

и теперь предстоитъ послѣдняя, вѣсная преподавательская задача—развить индивидуальность своихъ подначальныхъ и сознательное отношеніе ихъ къ гѣлу. Нѣкоторыми органами указывалось на излишество класса живописно-натурного, являющагося живымъ звеномъ съ Вѣшимъ Художественнымъ Училищемъ при Академіи, но хотя онъ и не входитъ въ прямые задачи школы, однако, при повышенныхъ художественныхъ требованіяхъ въ Академіи, остается только радоваться, если школа будетъ въ состояніи удовлетворить и такой запросъ.

Судя по всевозможнымъ отзываамъ, лишь въ одномъ отношеніи давался перевѣсъ Училищу барона Штиглица передъ Школой Общества, а именно въ сочиненіи рисунковъ предметовъ художественной промышленности*). Въ отношеніи такихъ сочиненій общее мнѣніе, восхищаясь техникой ихъ, было, однако, противъ нежелательнаго характера ихъ содержанія,—говорили: «Школѣ давно пора понять всю анти-художественность того направленія, которое называется декадентствомъ. Оно уже отжило свой вѣкъ на Западѣ и странно вѣзвѣвъ его къ жизни у насъ».

Спб. Археологическій Институтъ предпринялъ рядъ художественно-археологическихъ выставокъ, примѣнительно къ разнымъ областямъ археологии, чтобы систематично распространять въ обществѣ полезнія свѣдѣнія о древностяхъ. 17-го января закрылась первая такая выставка, касавшаяся иконографіи. Составила она изъ нѣсколькихъ частныхъ собраний иконъ и другихъ предметовъ церковной древности, принадлежащихъ: А. М. Посникову, И. П. Балашеву, Н. П. Лихачеву, Н. Вл. Султанову, И. М. Иванкину, А. А. Парланду и др.

На выставкѣ можно было ознакомиться съ характеромъ письма Новгородского, Московского и Строгановского. Было также выставлено нѣсколько мозаичныхъ фрагментовъ, работы мастерской г. Фролова. Интересны были весьма удачныя поддѣлки подъ старое письмо. Во время выставки посетители могли находить необходимыя объясненія, дававшіяся членами Института.

Было замѣтно, что администрація Института приложила усилия составить выставку содержательно, и, если она все же сохранила, благодаря отдельнѣмъ собраниемъ, до извѣстной степени частный характеръ, то, въ виду новизны начинанія, укорять въ этомъ никого нельзѧ. Можно надѣяться, что Институтъ не оставилъ свою хорошую и необходимую замѣю, что выставки въ стѣнахъ его со временемъ примутъ болѣе законченный видъ, и тѣмъ самымъ заставятъ общество отнеситься къ нимъ съ болѣшимъ интересомъ.

Р. Изгой

*) Какъ образцѣ заслуживавшихъ особенного вниманія композицій учащихся въ Школѣ Общества, Редакція журнала, въ дополненіе къ помѣщеніямъ уже снимкамъ съ рисунковъ вазъ на конкурсѣ Имп. Фарфорового Завода, воспроизведитъ еще въ своемъ изданіи: проекты ковровъ, исполненнѣхъ по заказу Е. И. В. Принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской для Рамонской фабрики, и рисунки церковиѣхъ облаченій для л.-гв. Кавалергардскаго полка, по заказу проф. А. Н. Бенуа.

Рег.

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ В. М. ВАСНЕЦОВА.

Сегодня открылась въ залахъ Академии Художествъ выставка картинъ Виктора Михайловича Васнецова.

Получивъ, вмѣсто обычнаго каталога, совсѣмъ особый—въ видѣ развернутаго свитка,—входишь въ залъ; несмотря на будничный день и утреннее время, публики уже довольно. И на общей физиономии зала, и на самихъ зрителяхъ, чувствуется нѣчто особенное: въ ближней части еще слышатся разговоры, но чѣмъ дальше, тѣмътише говорѣ, шаги становятся все осторожнѣе и надолго замолкаютъ въ противоположномъ концѣ у Екатерининскаго зала. Тамъ что-то такое, что заставляетъ всѣхъ замолчатъ, исти чуткъ не на цѣпочкахъ и держатъся ближе къ стѣнкѣ.

Давно не выдали петербуржцы «Витязя на распутьи»—одного изъ самыхъ характернѣйшихъ былинныхъ произведений В. М.—Широкое поле усѣяно сѣрыми валунами, свидѣтелями минувшаго, свидѣтелями судьбы черепа, заглядывающаго въ глаза витязя. Задумался витязь, читая страшную надпись на камнѣ, понурился конѣ и уставился въ землю.

На противоположномъ щитѣ—одна изъ первыхъ историческихъ вещей В. М.: «Скиѳы», живо переносящая въ эпоху Кульбоскихъ вазъ. Впрочемъ, это собственно не историческая вещь: въ ней скорѣе чувствуется тоже былина, нежели исторія. Богатыри, бьющіеся со скиѳами,—мотивъ фантастической, но эта смѣшанная нота взята такъ поэтично, что зритель соглашается съ нею: она какъ разъ совпадаетъ съ тѣми неясными отзвуками, наполняющими душу о воспоминаніяхъ старинѣ.

Въ портретахъ В. М.—есмѣ что-то вдумчивое; особенно поражаетъ передача внутренняго мѣра въ глазахъ малѣчика; по типу—не сына ли художника.

Эскизъ «Пира каменного вѣка» (воспроизведенный въ нашемъ журналь) полонъ жизни и духа эпохи.

Воочию убѣдится публика, какая разница между рисунками костюмовъ и декорацій къ «Снѣгурочки», работы В. М., и постановкою ея на Маріинскомъ театре. Страшно типичны: «Царь Беренгѣй», «Снѣгурочка», «Весна» (съ прекрасно подходящими изображеніями весеннихъ зодиаковъ), «Лелѣ», «Гусляры», «Бирючи», да и вообще все проникнуто такимъ искреннимъ убѣженiemъ и любовью, что исключенія ни для чего сдѣлать нельзя. Изъ декорацій лучшія: «Беренгѣева палата» и «Ярилина долина».

Изъ рисунковъ («Пименъ», «Три гѣвицы подъ окномъ пряли поздно вечеркомъ» и «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова») лучшій—«Пименъ».

На знакомой уже по нашему журналу птицѣ «Гамаюнѣ» особенно видно, какъ мало передаетъ произведенія В. М. фотографія,—половина прелести его картинъ заключается въ поэтичныхъ тонахъ.

Въ противоположномъ концѣ зала, гдѣ стихаютъ всѣ громкія рѣчи, стоятъ Богатыри—богатырскій вѣтвездъ Ильи Муромца, Добрыни Ники-

тича и Алеши Поповича. Мимоходомъ мнѣ уже приходилось передавать впечатлѣніе этой грандюзной картины въ первомъ письмѣ; теперь же прибавлю, что чѣмъ болѣше смотришь на нее—тѣмъ яснѣе представляется, насколько эта вещь цѣлѣна, продумана и полна убѣжденія. Такъ истолковать основы харacterнѣя чертѣ трехъ исконныхъ богатырей святорусскихъ можетъ только человѣкъ, дѣйствителѣно продумавшій, перечувствовавшій родной эпосъ,—человѣкъ, истинно понявший родную старину. Какую бы думалъ картины вѣни ни взяли—все полно глубокаго значенія, все именно такъ, какъ должно бѣти: смотрите ли вѣни на лица богатырей, на ихъ коней, на харacterное вооруженіе, которое у Добрѣни и Ильи рукопашное, а у лукаваго и самохвалѣнаго Алеши—имѣющее въ виду разстояніе отъ врага, лукъ. Позади богатырей лѣсистая ложбина, въ сторонѣ маячамъ древнія могилы. Сѣрыя тучи клубятся по небу. Все могуче, величаво-спокойно; есть въ этой картинѣ нѣчто стихійное, оно-то и заставляетъ зрителей жалѣться къ стѣнкѣ и говорить шепоткомъ.

Странно, какъ только хочу начать говорить о техникѣ, о виѣшности, о думахъ, такъ сейчасъ же, вмѣсто всякихъ подобающихъ соображеній, въ головѣ вѣростаетъ вся картина, хочется описывать ея содержаніе, подѣлившись впечатлѣніемъ... Я думаю, это отъ того, что художникъ шагнулъ въ ней за предѣлы формъ, въ самую сущность, и примомъ сущность общечеловѣческую. Картины В. М. писаны чувствомъ, поэтому такъ безотчетно и влѣяютъ онѣ на зрителя, подѣмаютъ въ немъ тоже чувство, заставляя забываться всякия другія сужденія.

Выставка, состоящая всего изъ 38 произведеній, не можетъ дать систематичнаго представленія о художественной дѣятельности В. М. (такъ мало знакомой Петербургу); но выставка работъ другого художника, составленная также не полно, не могла бы дать сильнаго впечатлѣнія, такова, однако самобытность В. М., таковъ свѣтлый порывъ, сквозящій на его всѣхъ безъ исключенія работахъ, что и эти немногочисленные образчики его творчества подавляюще влѣяютъ на зрителя. Великъ долженъ бѣти талантъ художника, свѣтла и чиста его личность, чтобы настолько завладѣть зрителемъ, залившись его волною неподготвленаго чувства! Подобнія явленія не часто встрѣчаются,—гордится должна Русь такимъ художникомъ, какъ Викторъ Михайловичъ.

Р. ИЗГОЙ.

На художественно-археологической выставкѣ перебывало до 1.000 посѣтителей; акварельную выставку посѣтило 3.543 чел. (послѣдняя цифра, падающая изъ года въ годъ съ 1896-го, показываетъ явное понижение интереса публики къ этой выставкѣ).